

UDC: 821.161.1-1.09 Мандельштам

**О СОЛИ, ЗВЁЗДАХ И ТОПОРЕ
(ПОЭТИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ 1921 ГОДА НИКОЛОЗА МИЦИШВИЛИ –
АННЫ АХМАТОВОЙ-ГОРЕНКО – ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА)**

Владимир Казарин

Доктор филологических наук, профессор,
Кафедра славянской филологии и журналистики,
Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (УКРАИНА),
01042, Киев, ул. Джона Маккейна, 33,
e-mail: kazarvlad@gmail.com

Марина Новикова

Доктор филологических наук, профессор,
Кафедра славянской филологии и журналистики,
Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (УКРАИНА),
01042, Киев, ул. Джона Маккейна, 33,
e-mail: kazarvlad@gmail.com

Беата Кушка

Кандидат филологических наук, доцент,
Кафедра иностранных языков,
Национальный университет «Львовская политехника» (УКРАИНА),
79013, Львов, вул. С. Бандеры, 55,
e-mail: beatakushka@yahoo.fr

РЕФЕРАТ

Цель. Дать сравнительный анализ малоизученного стихотворения грузинского поэта Николоза Мицишвили (Сирбиладзе) «Прощание» (1921, март), перевод которого был выполнен Осипом Мандельштамом в том же году, стихотворения Осипа Мандельштама «Умывался ночью на дворе...» (1921, сентябрь-октябрь) и этюда Анны Ахматовой-Горенко «Страх, во тьме перебирая вещи...» (1921, 27–28 августа). **Исследовательская методика.** Компаративный анализ на основе многоуровневого историко-литературного комментирования текста. **Результаты.** Показано, что стихотворения «Прощание» Н. Мицишвили, «Умывался ночью на дворе...» О. Мандельштама и «Страх, во тьме перебирая вещи...» А. Ахматовой-Горенко объективно образуют лирический цикл, контекст которого важен для восприятия каждого из входящих в него компонентов. **Научная новизна.** Стихотворения «Прощание» Н. Мицишвили, «Умывался ночью на дворе...» О. Мандельштама и «Страх, во тьме перебирая вещи...» А. Ахматовой-Горенко впервые проанализированы как лирический триптих. Эти три произведения связывает единая образность и единый поиск новой поэтики для изображения заявившего о себе сурового и страшного мира. Подробный анализ ассоциативных зон у трёх поэтов, их «физического» и «метафизического» мира значительно уточняет духовное, этическое и историческое отношение данной триады к новой пост-революционной действительности, начавшей формироваться с 1918 года. **Практическое значение.** Результаты исследования стимулируют дальнейшее изучение творчества указанных поэтов в конкретно-историческом ключе.

Ключевые слова: Николоз Мицишвили, Анна Ахматова-Горенко, Осип Мандельштам, поэтический триптих (1921), новая поэтика нового духовного и социального мира.

**ABOUT SALT, STARS AND AN AXE
(POETIC TRIPTYCH OF 1921 BY NICOLOZ MITSISHVILI –
ANNA AKHMATOVA-GORENKO – OSIP MANDELSHTAM)**

Vladimir Kazarin

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Slavic Philology and Journalism,
Taurida National V. I. Vernadsky University (UKRAINE),
01042, Kyiv, John McCain str., 33,
e-mail: kazarvlad@gmail.com

Marina Novikova

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Slavic Philology and Journalism,
Taurida National V. I. Vernadsky University (UKRAINE),
01042, Kyiv, John McCain str., 33,
e-mail: kazarvlad@gmail.com

Beata Kushka

Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Lviv Polytechnic National University,
79013, Lviv, 55, S. Bandera str.,
e-mail: beatakushka@yahoo.fr

ABSTRACT

Aim. The article is aimed at presenting a comparative analysis of «Parting» («Proshchanie»), an underexplored poem written by Georgian poet Nikoloz Mitsishvili (Sirbiladze) in March 1921 and translated by Osip Mandelshtam in the same year, Osip Mandelshtam's poem «Washed at night in the yard...» («Umyvalsya noch'yu na dvore...», September-October 1921) and Anna Akhmatova-Gorenko's poetic sketch «Fear, sorting through things in the dark...» («Strakh, vo t'me perebiraya veshchi...», 27–28 August 1921). **Research methods.** Comparative analysis based on multilevel historical and literary text commentary. **Results.** We show that the poems «Parting» («Proshchanie») by N. Mitsishvili, «Washed at night in the yard...» («Umyvalsya noch'yu na dvore...») by O. Mandelshtam and «Fear, sorting through things in the dark...» («Strakh, vo t'me perebiraya veshchi...») by A. Akhmatova-Gorenko objectively form a lyrical cycle, whose context is critical for perceiving each of its constituent components. **Research novelty.** The poems «Parting» («Proshchanie») by N. Mitsishvili, «Washed at night in the yard...» («Umyvalsya noch'yu na dvore...») by O. Mandelshtam and «Fear, sorting through things in the dark...» («Strakh, vo t'me perebiraya veshchi...») by A. Akhmatova-Gorenko were analyzed for the first time as a lyrical triptych. The three literary pieces have common imagery and display their authors' simultaneous attempts to search for a new poetics to depict a severe and dreadful new world coming in. A thorough examination of the three poets' association zones, their «physical» and «metaphysical» worlds, helps to substantially clarify the spiritual, ethical and historical attitudes of the triad to the new post-revolutionary reality that started to take shape in 1918. **Practical value.** The results of the study may encourage further research into the oeuvre of the three poets in a specific historical perspective.

Keywords: Nicoloz Mitsishvili, Anna Akhmatova-Gorenko, Osip Mandelshtam, poetic cycle (1921), new poets of the new spiritual and social world.

**ПРО СІЛЬ, ЗОРІ ТА СОКИРУ
(ПОЕТИЧНИЙ ТРИПТИХ 1921 РОКУ НІКОЛОЗА МІЦІШВІЛІ –
АННИ АХМАТОВОЇ-ГОРЕНКО – ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА)**

Володимир Казарін

Доктор філологічних наук, професор,
Кафедра слов'янської філології та журналістики,
Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського (УКРАЇНА),
01042, Київ, вул. Джона Маккейна, 33,
e-mail: kazarvlad@gmail.com

Марина Новікова

Доктор філологічних наук, професор,
Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського (УКРАЇНА),
01042, Київ, вул. Джона Маккейна, 33,
e-mail: kazarvlad@gmail.com

Беата Кушка

Кандидат філологічних наук, доцент,
Кафедра іноземних мов,
Національний університет «Львівська політехніка»,
79013, Львів, вул. С. Бандери, 55,
e-mail: beatakushka@yahoo.fr

РЕФЕРАТ

Мета. Здійснити порівняльний аналіз недостатньо вивченого вірша грузинського поета Ніколоза Міцишвілі «Прощання» (рос. «Прощание», 1921, березень), перекладений російською Осипом Мандельштамом того ж року, вірша самого Осипа Мандельштама «Умывался ночью на дворе...» (1921, вересень-жовтень) й етюду Анни Ахматової-Горенко «Страх, во тьме перебирая вещи...» (1921, 27–28 серпня). **Дослідницька методика.** Компаративний аналіз на основі багаторівневого історико-літературного коментування тексту. **Результати.** З'ясовано, що вірші «Прощання» Н. Міцишвілі, «Умывался ночью на дворе...» О. Мандельштама та «Страх, во тьме перебирая вещи...» А. Ахматової-Горенко об'єктивно утворюють ліричний цикл, контекст якого має вагоме значення для сприймання кожного з його поезій-компонентів. **Наукова новизна.** Вірші «Прощання» Н. Міцишвілі, «Умывался ночью на дворе...» О. Мандельштама та «Страх, во тьме перебирая вещи...» А. Ахматової-Горенко вперше проаналізовані як ліричний диптих. Ці три твори поєднує єдина образність та єдиний пошук нової поетики для зображення суворого і страшного світу, що заявив про себе. Ретельний розгляд асоціативних зон у трьох поетів, їхнього «фізичного» та «метафізичного» світу суттєво уточнює духовне, етичне й історичне ставлення даної тріади до нової пост-революційної дійсності, що почала формуватися з 1918 року. **Практичне значення.** Результати дослідження стимулюють подальше студіювання творчості вказаних поетів в конкретно-історичній площині.

Ключові слова: Ніколом Міцишвілі, Анна Ахматова-Горенко, Осип Мандельштам, поетичний триптих (1921), нова поетика нового духовного та соціального світу.

В 1921 году, во время своей второй поездки на Кавказ (на этот раз вместе с будущей женой – Надеждой Яковлевной Хазиной), О. Э. Мандельштам осуществит перевод стихотворения «Прощание» замечательного грузинского поэта Николаза Иосифовича Мицишвили (Сирбиладзе).

Стихотворение Мицишвили было написано в том же 1921 году [5, т. 2, с. 15]. Оно посвящено Нине Мдивани, дочери Захария Мдивани, генерал-майора свиты Его Императорского величества. Вместе с родными Нина покинет Грузию в начале 1921 года – накануне прихода Красной армии в Батум. «Советизация» Грузии и эмиграция Нины рушат все мечты, которые вынашивал поэт. Николозу приходится прощаться с любимой навсегда.

Напомним читателю строки, ставшие пророческими и для Мицишвили, и для многих литераторов его поколения:

Прощание

Нине Мдивани

1. Когда я свалюсь умирать под забором в какой-нибудь яме
2. И некуда будет душе уйти от чугунного хлада –
3. Я вежливо, тихо уйду. Незаметно смешаюсь с тенями.
4. Лишь собаки меня пожалеют, целуя под ветхой оградой.
5. Не будет процессий. Меня не украсят фиалки,
6. И девы цветов не рассыпят над чёрной могилой.
7. Порядочных кляч не дадут моему катафалку,
8. Кое-как повезут меня одры, шагая уныло.
9. И разве допустят мои рубцы, нарывы и парши
10. Туда, где сословье святых ограничено строго?
11. Кто честно спасённых душ откроет мне рай патриарший?
12. Друзья! Даруйте прощанье грешившему много!
13. Поражена каждая клетка моя. Грехами гоним я,
14. И кровь моя погибает от примеси гноя.
15. И доброе имя отцов, землепашцев квадратное имя,
16. В похоть погрязло – не ведая больше покоя.
17. Мне ль плечистых крестьян нести ярмо родовое,
18. Добрую кровь отцов превратил я в уксус и зелье.
19. Сам догорел, как лучина в медлительном зное,
20. В сновиденьях земли – я чёрный кошмар, невеселье.
21. Недопитые мысли сгорают в смятении заката.
22. Чудовищных мыслей помол хочу я докончить напрасно.
23. Нет у меня никого – ни верного друга, ни брата,
24. Хоть ударил меня бы охульник какой звонкогласно.
25. Ныне я – мёртвый, босой, высохшим телом немея,
26. Должен висеть – дождями, безжалостным ветром терзаем,
27. На перепутье миров в надземной сушильне чернея,
28. И богов проклинать своим хриплым неистовым лаем.

[7, т. 2, с. 102]

Публикация мандельштамовского перевода состоится 4 декабря 1921 года в первом номере новой – еженедельной литературной русскоязычной – газеты «Фигаро», создателем и редактором которой был Мицишвили. Перевод «Прощания» размещён на первой полосе, рядом с ним – ответное пророческое стихотворение уже самого Мандельштама «Умывался ночью на дворе...». Оно написано в том же 1921 году после полученных в Грузии известий из Петрограда о смерти 7 августа Александра Блока и расстреле в ночь на 26

августа Николая Гумилёва. Блоку было всего 40 лет, Гумилёву – 35. Первого Советская власть объявит «своим» и задушит в объятиях, второго – без всякой оглядки на правосудие – просто убьёт.

1. Умывался ночью на дворе –
2. Твердь сияла грубыми звездами.
3. Звёздный луч – как соль на топоре,
4. Стынет бочка с полными краями.
5. На замок закрыты ворота,
6. И земля по совести сурова, –
7. Чище правды свежего холста
8. Вряд ли где отыщется основа.
9. Таёт в бочке, словно соль, звезда,
10. И вода студёная чернее,
11. Чище смерть, солёнее беда,
12. И земля правдивей и страшнее.

[8, т. 1, с. 122]

Стихи Мицишвили и Мандельштама исполнены ужаса ещё и потому, что их предварял совсем недавний восторг – и в Грузии, и в Украине. Восторгались оба поэта «новым» миром. Надежда Мандельштам вспоминала: «Нас занимали то театральными постановками, то плакатами, и нам казалось, что жизнь играет и кипит. <...> Мальчишки обожали „Левый марш” Маяковского, и никто не сомневался, что вместо сердца у него барабан» [9, т. 2, с. 39–40].

Она и Осип, Николоз и Осип не просто так восхищались революционными праздниками, демонстрациями и прессой. Для них всё это знаменовало закрытие кровотока дыры – черты оседлости. И этот «евростандарт», наконец-то, становился в Украине украинским стандартом, на Кавказе – стандартом грузинским, и так далее. Николоз и Осип осознавали себя викингами этого новорожденного мира или, – по меньшей мере, – его певцами-скальдами. Именно это составляло основу их новейших пророчеств:

И снова скальд чужую песню сложит
И как свою её произнесёт.

[8, т. 1, с. 77]

«Песнь», действительно, оказалась «чужой».

Гибель А. А. Блока и Н. С. Гумилёва обнажила «правдивую и страшную» природу «нового века», родившегося из карательной практики Революции и Гражданской войны [9, т. 1, с. 806]. Как писала Н. Я. Мандельштам, Ахматова «всегда понимала, что нельзя спрашивать: „За что взяли?” (то есть арестовали. – *Авт.*). „Всех берут ни за что”, – говорила Анна Андреевна, и мы никогда в этом не сомневались. Это было ясно с первых дней, когда ещё открыто брали заложников, а потом истребляли их» [9, т. 1, с. 603].

Как следствие этой страшной правды, крупные и яркие «звёзды» южного города Тбилиси в стихотворении Мандельштама стали «грубыми»; «звёздный луч» уподобился соли, да ещё и на топоре; ворота двора, где умывается поэт, закрыты «на замок», тем самым превращая его чуть ли не в заключенного.

Земля при свете «совести» сделалась «суровой», а вода в бочке – «чёрной» и «студёной».

Всё это вместе взятое предрекает лирическому герою скорую встречу со смертью (которая становится всё «чище») и бедой (она – чем дальше, тем «солёнее»). Чище, потому что это смерть новомучеников от пули на краю вырытого на Бутовском полигоне рва, куда падают тела расстрелянных. Такая смерть не заливают кровью никакого помоста, сооруженного на площади. А солёнее она потому, что убитых с каждым месяцем и годом становится так много, что слёзы их родных давно текут не ручьями, а реками.

Н. Я. Мандельштам назвала «Умывался ночью на дворе...» – «переломным стихотворением с новым голосом» [9, т. 1, с. 808]. Оно «маленькое», но «в эти двенадцать строчек в невероятно сжатом виде вложено новое мироощущение возмужавшего человека, и в них названо то, что составляло содержание нового мироощущения: совесть, беда, холод, правдивая и страшная земля с её суровостью, правда как основа жизни; самое чистое и прямое, что нам дано, – смерть, и грубые звёзды на небесной тверди...» [9, т. 1, с. 808, 809].

И действительно, слова «совесть» и «правдивый» впервые встречаются в поэзии Мандельштама именно в этом тексте, а слово «правда» было ранее употреблено только один раз – в стихотворении с красноречивым названием «Декабрист», притом именно в 1917 году [4, с. 12].

В тесном пространстве трёх строф поэт собрал все возможные мировоззренческие пары: земля и небесная твердь, земля и вода, земля правдивая – земля страшная, звезда и топор, чистая правда – чистая смерть, беда и страх, совесть и страх, белое (соль) и чёрное (вода), солёное и суровое, двор и ворота, студёное и чёрное, холст и основа.

Слова «звезда» и «соль» Мандельштам употребил три раза; «земля», «правда», «бочка», «холодный» («стынуть», «студёный») – два раза; «совесть», «смерть», «беда», «основа», «чёрный» и «страх» – один раз. Но при этом с вариациями четыре раза использовано понятие «вода» – «умывался», «бочка с полными краями», «тает в бочке», «вода». Мало того, в стихотворении фигурирует множество понятий, связанных с разными состояниями воды: «чище», которое ко всему ещё и является началом ключевых стихов – 7-го («чище правды») и 11-го («чище смерть»); «стынет» (бочка с водой); «полная краями» (опять бочка); «тает» (в бочке звезда); «студёная» (вода), «чёрная» (вода), сама «бочка».

С одной стороны, это легко объясняется сюжетно: поэт умывается на дворе дома перед сном. Вместе с тем, перед нами – сакральная процедура омовения, очищения между небом и землёй от неправды этого мира, его лжи и грехов, подготавливающая поэта к смерти.

Именно «настоящему двадцатому веку», пришествие которого было обозначено не календарём, а гибелью А. А. Блока и Н. С. Гумилёва [9, т. 1, с. 806], – именно ему и потребовались «новые мысли и новые слова».

Для разговора о смерти (не условной, а самой что ни на есть подлинной и страшной) как Мицишвили (с его «квадратным именем» отцов-землепашцев),

так и Мандельштаму (с его «правдой свежего холста») оказался нужен иной язык – простонародный, патриархальный, библейский, а значит – отмеченный не только стилевым разнообразием, но и разноязычием:

Себя губя, себе противореча,
 Как моль летит на огонёк полночный,
 Мне хочется уйти из нашей речи
 За всё, чем я обязан ей бессрочно.
 [8, т. 1, с. 179]

Об этом эффекте в стихах поэта убедительно говорит видный российский славист Ф. Б. Успенский: «Мандельштам вырос в специфической языковой среде, в ситуации многоязычия: вокруг него звучал немецкий, польский, русский, идиш, иврит. Мешанина языков определила отстранённое отношение к русскому языку. Будучи одним из лучших его носителей, он в чём-то видит его как иностранец, может подметить то, чего мы по привычке не замечаем, на что у нас не хватает языковой компетенции» [13; см. рец. Н. С. Гумилёва и С. М. Городецкого на 2-е издание «Камня» – 10, с. 100, 104].

Характерно, что герой нашего стихотворения «умывается» не «во дворе», как положено современному русскому нарративу, а «на дворе». Форму «на дворе» фиксирует известная народная скороговорка (чистоговорка) «На дворе трава, на траве дрова», история которой, по мнению специалистов, насчитывает минимум двести лет. С течением времени форма «на дворе» уходит из русского языка, но сохраняется по сей день в украинском («на дворі», «на подвір'ї»), сберегающем древние языковые нормы. Впрочем, в окружении Мандельштама, уроженца Варшавы, часто звучал польский, поэтому словоупотребление может быть и полонизмом («na dziedzińcu»)¹.

Нам неизвестны случаи использования поэтом формы «во дворе», зато «на дворе» встречается у него постоянно и в разные годы: «А на дворе военной школы / Играют мальчики в футбол...» (1913 [8, т. 1, с. 288]), «На дворе мороз трещит...» (1920 [8, т. 1, с. 112]), «С собакой впереди идти под солью звёзд, / И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке...» (1922 [8, т. 1, с. 123]), «Скрипят ворота на заре, / И запрягают на дворе...» (1925 [8, т. 1, с. 141]), «Ночь на дворе. Барская лжа...» (1931 [8, т. 1, с. 157]), «У него на дворе и собаки жирны...» (1933 [8, т. 1, с. 617]), «Овчарки на дворе, на рубищах заплаты...» (1933 [6, т. 1, с. 195, 507]).

Показательно, что О. Б. Заславский – российский исследователь стихотворения Мандельштама – в заголовке своей статьи (и больше нигде!) автоматически, на уровне подсознания напишет название произведения именно в русском варианте – «Умывался ночью **во дворе...**» [14, с. 121].

Что касается бочки, из которой берёт воду для умывания Мандельштам, то в стихотворении она не просто полная, она – «полная краями». Тут уже отчётливо заявляет о себе изобразительная стихия простонародного языка.

¹ Это наблюдение подсказано нам профессором И. В. Остапенко.

О народной глубине библейского самосознания выразительно сказано в стихотворении Юнны Моризц «Мой кругозор» (1977):

Греческим я не владею, латынью, санскритом.
Мой кругозор допотопен, как прялка с корытом, –
Только рожденье и смерть, только звёзды и зёрна
В мой кругозор проникают и дышат просторно.

Границами «допотопного» кругозора поэта оказываются «прялка», которая одинаково стала центром стихотворений Мандельштама («Золотистого мёда струя из бутылки текла...»: «Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина <...>») и Ахматовой («Лотова жена»: «На площадь, где пела, на двор, где пряла <...>»), а также «корыто», выстраивающее вокруг себя сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина.

Характерно, что «бочка» (родная сестра корыта) фигурирует как в первой, так и в третьей строфе, тем самым охватывая с двух сторон центр мизансцены. Вместе с этой бочкой в первой строфе появляется «звёздный луч», в строфе третьей – в бочке «тает» звезда. В тбилисской реальности 1921 года «бочка» – воплощение разрухи. В роскошном особняке миллионера и основоположника коньячной промышленности Российской империи Д. З. Сараджишвили, который стал тогда «Домом искусств» – пристанищем писателей и художников (позднее преобразован в Дом писателей Грузии и таковым остаётся до сих пор), была полностью разрушена система подачи воды. В результате, воду для жильцов привозили «из источника и наливали огромную бочку, стоявшую во дворе – всклянь, до самых краёв» [9, т. 1, с. 808].

«Всклянь» – слово из активного лексикона поэта, которое он неоднократно употребляет в поэзии и прозе 1920–1930-х годов [8, т. 1, с. 136; 8, т. 2, с. 263, 326]. Появление этого слова в позднейшем рассказе Надежды Яковлевны свидетельствует, что она целиком поддерживала поиски Мандельштамом, как она писала, «нового языка».

Во второй строфе в стихах 7 и 8 заявляет о себе «украинский» след. Он был бы для нас навсегда потерян, если бы не воспоминания киевлянки Н. Я. Мандельштам: «В стихи попало и домотканое полотенце, которое мы привезли с Украины. У нас всегда было пристрастие к домотканым деревенским холстам <...>» [9, т. 1, с. 808].

В Украине древняя славянская традиция почитания рушника (полотенца) – как сакрального символа дороги, соединения, памяти, оберега, доброго дара, украшения – до сих пор жива и играет важную роль как в быту, так и в обрядах. Достаточно вспомнить «Пісню про рушник» Андрея Малышко и Платона Майбороды 1958 года, которая приобрела огромное международное признание.

Поэт хорошо разбирался в тонкостях домашних ремесел, связанных с тканью, – прясть, ткать, вышивать. Так, он отчётливо различал каждое из них, шла ли речь про веретено или челнок. В 1918 году в стихотворении «Tristia» мы встречаем не только авторское признание в любви к ним («И я люблю обыкновенье пряжи...»), но также точное описание функции соответствующих им инструментов («...Снуёт челнок, веретено жужжит»). В древних ремёслах,

связанных с пряжей, полагал поэт, скрыты тайны бытия («Бесшумное веретено...», 1909) [3, с. 183].

На тонкостях этого знания Мандельштам строит одну из своих метафор:

7. Чище правды свежего холста
8. Вряд ли где отыщется основа.

«Основа», являясь в ткачестве очень важным понятием, привносит в текст дополнительные аллюзии. Основа – это нити, идущие вертикально вдоль ткани. С ними по горизонтали переплетаются в шахматном порядке (то сверху, то снизу) другие нити, называемые «уток». При этом прочность ткани обеспечивают именно нити основы. Они крупнее нитей «утка» и обладают большей крепостью, что и определило их название.

Н. Я. Мандельштам неоднократно подчёркивала, как дорожил поэт «всяким ремеслом», потому что «ремесленник делает утварь» и тем самым он «заполняет и одомашнивает мир» [9, т. 1, с. 811]. В мандельштамовском понимании, эллинизм это «сознательное окружение человека утварью вместо безразличных предметов, превращение этих предметов в утварь, очеловечение окружающего мира» [8, т. 2, с. 76]. Тем более это относится к ткачам (а с ними и к портным), ибо ничто не «одомашнивает» мир больше, чем «холст» и одежда. Поэтому и дорожит Мандельштам поэзией – в ней тоже «клокочет вещественность, осязаемость, бытийственность» [8, т. 3, с. 17]. «Всякий художник во всём процессе создания вещи больше всего склонен подчёркивать момент труда», ибо «именно труд зависит от воли художника» [9, т. 1, с. 811]. Оттого и завидует поэт в «Грифельной оде» обладателям «прямых» и вечных профессий:

Кто я? Не каменщик прямой,
 Не кровельщик, не корабельщик –
 Двuruшник я, с двойной душой,
 Я ночи друг, я дня застрельщик.
 [8, т. 1, с. 135]

Мотив «свежего холста» у Мандельштама (как и мотив «гладкого крестика» в стихотворении Ахматовой, см. ниже) – возвращает в текст тему вины и утверждает тему искупления. Свежий холст – высшая правда потому, что на нём ещё ничего не написано. Гладкий крестик – детский крестильный крест, ещё без Распятия. Оба они – символы чистоты и творчества, уже готового начаться, но ещё не начавшегося.

«Правда свежего холста» – единственный положительный мотив в этом трагическом стихотворении. Но – не единственный «украинский» след.

Трижды Мандельштам упоминает в тексте «соль». Это тем более показательно, что сама соль именно здесь вообще впервые у него встречается [4, с. 10]. Мало того, она образует проблему, которую затруднялся решить Ю. И. Левин: «Соль, и притом в особенности в сочетании со *звёздами* (курсив везде Ю. И. Левина. – Авт.), бесспорно, представляет собой слово-символ, что подтверждается и дальнейшим употреблением этого слова <...> вместе со *звёздами* <...>. Хотя связи слова *соль*, таким образом, достаточно ясны, однако

точно выразить семантику этого символа представляется нам затруднительным <...>» [4, с. 10].

В разрешении этой загадки на помощь исследователям приходит ещё один у Мандельштама «украинский» след.

Соль недаром упомянута в стихотворении в связи со звёздами. Поэт описывает ночное небо и Млечный путь, но прочитывает его через призму украинского *Чумацького шляху*. С XVI века чумаки на волах возили из Крыма соль. Тем самым за несколько столетий они выбелили этот «шлях» (ср. в стихотворении «1 января 1924»: „И, словно сыплют соль мощёною дорогой...”). Та же тема в очерке «Феодосия»: «Крупной солью сыпались на двор зимние звёзды» [8, т. 2. с. 264]. Густо посыпанный солью древний путь в голой степи из-за отсутствия растительности якобы даже виден из космоса. Он и дал украинское название астрономической галактике.

Итак, сведения о смерти А. А. Блока и расстреле Н. С. Гумилёва дойдут до Мандельштама в августе и в начале сентября 1921 года. Следовательно, стихотворение «Умывался ночью на дворе...» писалось, вероятнее всего, в сентябре-октябре [12, с. 309, 276].

Эти известия поэт получит от Б. В. Леграна, полпреда РСФСР в Социалистической Советской Республике Грузия. Не лишённый художественных запросов, он старался покровительствовать Осипу Эмильевичу и его невесте. Мало того, двадцать лет назад и именно в Тбилиси Б. В. Легран учился в одной с Н. С. Гумилёвым гимназии. Но теперь старый большевик, член РСДРП с 1901 года, как никто другой понимал, что означала смерть двух поэтов на политическом языке новой власти и какой партийный резонанс могла вызвать его близость к расстрелянному однокласснику. По словам Надежды Яковлевны, «он не на шутку испугался» [9, т. 2, с. 92]. Все отношения семьи Легранов с Мандельштамом, который входил в круг друзей Н. С. Гумилёва, были немедленно прерваны.

Это и понятно, потому что «Красный террор» в стране никто не отменял.

18 августа 1918 года в Петрограде был принят декрет, который уполномочивал местную ЧК расстреливать «контрреволюционеров» собственной властью, то есть бессудно. Уже 21 августа по этому декрету были казнены 21 заключённый. 30 августа друг одного из расстрелянных офицеров – поэт, юнкер и студент Леонид Каннегисер (родственник Мандельштама, они встречались в «Бродячей собаке») – убивает на Дворцовой площади председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого. В ответ на это 2 сентября по всей стране объявляется «Красный террор». Только за первые два дня было расстреляно 512 заложников. К концу сентября убитых уже было почти 800, арестованных – 6 229.

По свидетельству Надежды Яковлевны, Мандельштам «с ужасом говорил о гекатомбах трупов, которыми „они” ответили на убийство Урицкого» [9, т. 2, с. 44; 11, с. 19].

Понятно, что после всего этого верный и дисциплинированный сын партии Б. В. Легран (не лишённый художественных запросов!), будучи в 1930–1934 годах директором Государственного Эрмитажа, беспрекословно выполнит

приказ Сталина о продаже за границу из фондов музея выдающихся произведений живописи (Тициан, Рафаэль, Перуджино, Боттичелли, Рембрандт, Рубенс, Веласкес и прочее и прочее), а также мебели, столового золота и серебра, хрусталя, украшений и многих других ценных предметов.

Для Мандельштама, уже не первый год наблюдавшего гибель одних и предательство других, именно «смерть Гумилёва – без отпевания у Исаакия – окончательно превратила Петербург в город мёртвых» [9, т. 2, с. 93].

Ахматова будет знать о расстреле своего первого мужа практически сразу, результатом чего станет написание 27–28 августа стихотворения, впервые опубликованного осенью 1921 года под заглавием «Страх» (позднее оно будет снято):

1. Страх, во тьме перебирая вещи,
2. Лунный луч наводит на топор.
3. За стеною слышен стук зловецкий –
4. Что там, крысы, призрак или вор?
5. В душевной кухне плещется водою,
6. Половицам шатким счёт ведёт,
7. С глянцевиной чёрной бородою
8. За окном чердачным промелькнёт –
9. И притихнет. Как он зол и ловок,
10. Спички спрятал и свечу задул.
11. Лучше бы поблёскиванье дул
12. В грудь мою направленных винтовок,
13. Лучше бы на площади зелёной
14. На помост некрашенный прилечь
15. И под клики радости и стоны
16. Красной кровью до конца истечь.
17. Прижимаю к сердцу крестик гладкий:
18. Боже, мир душе моей верни!
19. Запах тленья обморочно сладкий
20. Веет от прохладной простыни.

[1, т. 1, с. 357]

«Гекатомбы трупов», которыми организаторы «Красного террора» ответили, по словам Мандельштама, на убийство М. С. Урицкого, не могли не привести за собой в поэзию дурманящий запах смерти.

От «примеси гноя» погибают на кладбище «кровь» и «клетки» повешенного героя стихотворения Мицкиши «Прощание»:

25. Ныне я – мёртвый, босой, высохшим телом немея,
26. Должен висеть – дождями, безжалостным ветром терзаем

Всё более беспощадным и пугающим становится «двор», закрытый «на замок» в стихотворении Мандельштама:

11. Чище смерть, солёнее беда,
12. И земля правдивей и страшнее.

После расстрела Н. С. Гумилёва запах смерти, пропитывающий дом Ахматовой, обращает простыню в саван:

19. Запах тленья обморочно сладкий

20. Веет от прохладной простыни.

В цикле стихов, которые будут опубликованы Ахматовой в 1921 году в журнале «Записки мечтателей» вместе со стихотворением «Страх», имеются типологические параллели с образами «Прощания» Мицишвили. Его первая строка (в мандельштамовском переводе) «Когда я свалюсь умирать под забором в какой-нибудь яме...» с последующими мотивами маловероятного «спасения» и терзающего героя «безжалостного ветра» – найдёт себе аналог в том, как рассказывает о трагической потере мужа Ахматова в стихотворении «Пока не свалюсь под забором...»:

Пока не свалюсь под забором
И ветер меня не добьёт,
Мечта о спасении скором
Меня, как проклятие, жжёт.

[1, т. 1, с. 362]

Это тем более показательно, что поэты не могли быть знакомы со стихами друг друга.

С типологическими параллелями мы имеем дело и в случае практически полного совпадения второй строки в стихотворении Ахматовой «Страх» («<...> Лунный луч наводит на топор <...>») с третьим стихом у Мандельштама: «Звёздный луч – как соль на топоре <...>». В пятой строке у неё появляется «вода», которой по-тбилиски «плещется» страх «в душевной кухне». Понятно, что Мандельштам в Грузии никак не мог прочесть написанное совсем недавно в географически далёком от него Петрограде стихотворение Ахматовой.

Удивительным это сходство является только на первый взгляд. Параллели рождены тем, что Мицишвили, Ахматова и Мандельштам жили в одной реальности. И в Питере, и в Тбилиси знали про «расстрельщиков», ходивших по домам и бравших людей по спискам. Они одинаково помнили, как за годы «Великой революции» в Киеве, Крыму или Батуме многократно сменялись власти, а под дверями уютных городских особняков или загородных имений и дач во множестве бродили лихие банды, шайки и всякого рода «идейные» отряды. Об этом в 1917–1918 годах писал Илья Эренбург в «Молитве о России», призывая всех «помолиться» – «о наших полях, пустых и холодных», да «о тех, что ходят с ножами и кольями». Поэтому топор под рукой, оставаясь общепризнанным символом плахи, одновременно для некоторых становится средством самозащиты. У Мандельштама (в пока еще полуменьшевицком Тбилиси) он – ближе к самозащите. У Ахматовой (в Петрограде с системно организованными официальными карательными органами) «топор» – символ государственного насилия и грубой смерти. И совсем не театральной («площадь зелёная», «помост некрашенный»), а вполне прозаической. С которой только что встретился отец её единственного сына:

11. Лучше бы поблёскиванье дул

12. В грудь мою направленных винтовок <...>

«Поблѣскивающие» металлом винтовки – новейший дубликат архаического топора. Поэтому «лунный» этюд Ахматовой намного страшнее «звёздного» этюда Мандельштама. Это в беспечном Тбилиси закрытые «на замок» ворота кому-то могли напоминать тюрьму. В накрытом террором Питере замкнутая дверь – долго ещё будет казаться слабым, но убежищем:

Я на лестнице чёрной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

[8, т. 1, с. 153]

Напомним, стихотворение Ахматовой в бывшей столице советской России – Петрограде – было опубликовано в октябре 1921 года в литературно-художественном журнале «Записки мечтателей» (№ 4).

В столице советской Грузии – Тбилиси – стихи Мицишвили «Прощание» (в переводе Мандельштама) напечатать в декабре 1921 года в литературной русскоязычной газете «Фигаро» также удалось. Как и стихи самого Мандельштама «Умывался ночью на дворе...».

В столице советской Украины – тогда это был Харьков – стихотворение Мандельштама «Умывался ночью на дворе...» места в журнале найти себе уже не могло. По указанию Первого секретаря ЦК КП(б) Украины Д. З. Мануильского, просмотревшего гранки, оно было исключено из первого номера журнала «Грядущий мир», вышедшего в мае 1922 года.

Очень выразительны слова, сказанные при этом номенклатурным большевиком Д. З. Мануильским: « – Какая соль? При чём здесь топор? Ничего не понимаю! Что Ленин скажет?» [8, т. 1, с. 578].

Вместо заключения. Писать завершающие строки после анализа текстов любого крупного художника Слова – задача необходимая, но изнурительная. Не подведя итогов (пускай предварительных), невозможно не столько «закрыть» тему, сколько наоборот – «открыть» её. Задача эта подобна заданию, полученному аргонавтами: найти и привезти в «свой» мир сокровище мира «иног» – Золотое руно.

Мандельштам своё «здание» тоже получил. Получил давным-давно, сформулировав его ещё в алуштинском стихотворении 1917 года – «Золотистого мёда струя из бутылки текла...» [итоги наших 20-летних исследований этого стихотворения см.: 3, с. 168–190]. Именно там и тогда возник кардинальный вопрос ещё молодого поэта:

Золотое руно, где же ты, золотое руно?

[8, т. 1, с. 97]

«Золотистый мёд» (в реальности виноградный сироп *бекмес!*) – начинает тему далёкой и непонятной Тавриды и судеб вынужденных «крымских затворников» между двумя революциями – Февральской и Октябрьской. Одним вскоре предстоит стать апатридами, другим – переселиться в Аид. Начинается эта тема мемуарно-повествовательно, почти в бытовом ключе. Но к

заключительным строкам этой мнимой идиллии «пространства и времени» золото «мёда» – и Крыма, и отечественной истории – превращается в «золотое руно» смертельно опасного «задания» и Социума, и Мифа.

«Тяжёлые волны» Чёрного моря отшумят «тяжким грохотом» в изголовье Мандельштама и перейдут в питерское (российское) сухопутное скитанье поэта и его жены по вокзалам, в попытке убежать от преследования новейшей истории и географии. А впереди засияет ледяная звезда над ссыльным Енисеем, чтобы закончиться на берегу Тихого океана в пересыльном бараке, откуда осуждённого уже не смогут доставить морем в Магадан по причине его гибели.

Что же, однако, делать исследователям с мифом об аргонавтах и с триптихом поэтов 1921 года о соли, звёздах и топоре? Какие неведомые нам «тяжёлые волны» связывают эти тексты в мандельштамовский Сверхтекст?

Как известно, хронологически (если только уместно говорить о «хронологии» мифа) сказание об аргонавтах на целое поколение старше «Одиссеи» Гомера [2]. То есть герои-аргонавты душевно и духовно ровесники не Пенелопы и – тем более – не четы Судейкиных. Они ровесники «алуштинского Гомера» 1917 года – самого Мандельштама, их вечного аэда. Они ровесники простодушных татар, сборщиков винограда, перекатывающих «тяжёлые бочки» для вина нового урожая. Сравним «бочку», в которой «тают» звёзды грузинского стихотворения Мандельштама, и «тяжёлые волны» эмигрантского и репрессивного пространства. Вот-вот эти волны накроют и «золотистый» мёд, и «коричневый» сад, и «золотой» виноград, и «ржавые» десятины земли, и, наконец, «золотое руно» бытия – того самого бытия, после создания которого, как гласит Библия, «и увидел Бог, что *это* хорошо» [Быт. 1: 25].

Сюжету про аргонавтов наука предлагает три возможных интерпретации: 1) это инициационный миф о путешествии в иномирие; 2) это вариант волшебной сказки; 3) это реальный эпос исторического VIII века до н. э. – эпохи первых плаваний греков в Чёрное море (включая Кавказское побережье) и на запад Средиземноморья.

Но для нашего анализа ещё важнее, сколь глубоко в недра и нормы архаического мира входит зло. Зло творят и «положительный» Ясон, и «отрицательный» Пелей. И любящая дочь Фессалийского царя Пелея – Полидора, и любящая дочь Колхидского царя Ээта – Медея, она же супруга Ясона и мать его детей. В вышине этого мира кружат птицы с железными когтями, в его подземье обитают жуткие великаны – Сторукие. Любовь здесь трудно отделить от похоти, зато легко внедрить в человека безумную похоть страсти и власти..

Страшный мир триптиха 1921 года не столько социологичен, сколько онтологичен. Большевики киевские ужасают, но меньшевики тбилисские ужасают не меньше. Киев продолжает оставаться «логовом змиевым» не только потому, что за один год в нём десять раз менялись власти, а прежде всего потому, что пытки, убийства, надругательства стали в нём обыкновенной историей. Но и мирная городская кухня в родном поэту Питере, не лишённая бытовых удобств (мыться ночью на дворе у бочки с водой здесь нет

необходимости), устрашает не меньше, чем «гостевой» Дом писателей в столице Грузии времён Гражданской войны.

Культуртрегерская деятельность Мандельштама и его подруги Н. Я. Хазиной в «красной» столице новой Украины анекдотична [11, с. 18–21]. Однако анекдотизм «авангардного» киевского кафе «ХЛАМ» или Первоя на фоне Святой Софии и памятника Богдану Хмельницкому через пару десятков лет аукнется Мандельштаму пересылочным баракком во Владивостоке. Там – сам уже полубезумный – он будет есть кусочки хлеба с рук своих товарищей, таких же узников. С рук, потому что он боится, что его отравят...

Так каким же «пространством и временем» наполняются в Крыму в 1917 году между двух Революций – Февральской и Октябрьской – паруса поэта? Какое «золотое руно» привезут его товарищи по музам, по судьбе? И в какую Итаку он вернётся – и зачем?

Константинос Кавафис (1863–1933), признанный величайшим поэтом современности, писавшим на новоэллиническом языке, прославится стихотворением «Итака». Плавание Одиссея в нём описано как долгое, бесцельное, самоудовлетворяющее героя странствие. Вот как это выглядит в переводе Г. Шмакова, выполненном под редакцией И. Бродского:

Молись, чтоб путь оказался длинным,
с множеством летних дней, когда,
трепеща от счастья и предвкушенья,
на рассвете ты будешь вплывать впервые
в незнакомые гавани. Медли на Финикийских
базарах, толкайся в лавчонках, щупай
ткани, янтарь, перламутр, кораллы,
вещицы, сделанные из эбена,
скупай благовонья и притиранья,
притиранья и благовония всех сортов;
странствуй по городам Египта,
учись, всё время учись у тех, кто обладает знаньем.

Что же касается родины Одиссея – «не ожидай от Итаки никаких чудес», она только повод плыть и плыть год за годом:

Больше она дать ничего не может.

Ни эпосы языческой архаики, ни последующие литературы на основе мировых религий (для Мандельштама – иудаизма и христианства) так сюжет плаванья в неведомое не представляли. Не разделял подобного «экзистенциального сибаритства» даже Шарль Бодлер («Плаванье»).

Мандельштамовское стихотворение в триптихе 1921 года оказалось мужественным, его мужество – пророческим, а пророчество – дальнзорким. Проявилось это мужество в том, что поэт не отрёкся от «тяжёлых волн» – от личного опыта боли и надежды. Он не остался на островах покоя в блаженном царстве феаков (переводя на крымские реалии – среди «ржавых грядок» южнобережного винограда). Он не отрёкся от звёздной пустоты «города мёртвых» – Петрополя. Он сумел перевести их на «свой» язык, не умирающий

ни при каких «режимах». И пространство, и время он воспринял как своё «пространство» и своё «время» – как миссию, а не добычу.

В этом смысле до конца дней он остался истинным художником и настоящим верующим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. А. Собр. соч.: в 6 т. / сост., подгот. текста, коммент., статья Н. В. Королёвой. Москва : Эллис Лак, 1998–2002; 2004. Т. 7 (дополнительный). 968 с.+640 с.+ 528 с.+768 с.+704 с.+800 с.+672 с.
2. Argonautae [Аргонавты]. *Реальный словарь классических древностей по Любкеру* / под ред. членов Общества классической филологии и педагогики Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского, В. Казанского, М. Куторги и П. Никитина. Санкт-Петербург : Изд. Общества классической филологии и педагогики, 1985. С. 140–142.
3. Казарин В. П., Новикова М. А., Криштоф Е. Г. Стихотворение О. Э. Мандельштама «Золотистого мёда струя из бутылки текла...» : (Итоги опытов реального комментария). *Животворне світло слова* : зб. наук. студій. Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2021. С. 168–190.
4. Левин Ю. И. Избр. труды : Поэтика. Семиотика. Москва : Языки русской культуры, 1998. 824 с.
5. Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. Москва : РОССПЭН, 2017. 575 с., ил. + 487 с., ил.
6. Мандельштам О. Э. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппова. Москва : Терра, 1991. 600 с.+730 с.+617 с.
7. Мандельштам О. Э. Собр. соч.: в 4 т. / сост. П. М. Нерлер, А. Т. Никитаев. Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. 360 с., ил.+693 с., ил.+517 с., ил.+608 с., ил.
8. Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Меца; вступ. ст. Вяч. Вс. Иванова. Москва : Прогресс-Плеяда, 2009–2011. 808 с.+760 с.+944 с., ил.
9. Мандельштам Н. Я. Собр. соч.: в 2 т. / сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин. Екатеринбург : ГОНЗО, 2014. 864 с., ил.+1008 с., ил.
10. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / сост. А. Г. Мец. Изд. 3-е, испр. и доп. Санкт-Петербург : Интернет-издание, 2019. 509 с., ил.
11. Нерлер П. М. Мандельштамовский Первомай. *Collegium*. Киев : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2019. № 31–32. С. 10–23.
12. Нерлер П. М. Осип Мандельштам и Грузия : Новые материалы. *Текст и традиция* : альманах. Санкт-Петербург : Росток, 2019. № 7. С. 231–340.
13. Успенский Ф. Б. Осип Мандельштам: чужие языки в стихии русского. *Гефтер* : Интернет-журнал. URL: <http://gefeter.ru/archive/13337> (дата обращения: 20.10.2014).
14. Zaslavskii O. [Заславский О. Б.] Человек в страшном мире (о стихотворении О. Э. Мандельштама «Умывался ночью во дворе...»). *Toronto Slavic Quarterly*. 2014. Summer. № 49. С. 121–133.

REFERENCES

1. Akhmatova, A.A. (1998-2002, 2004), *Collected works in 6 vols., vol. 7 additional* [Sobranie sochinenii v 6 t., sost., podgot. teksta, komment., stat'ya N.V. Korolevoi], Ellis Lak, Moscow, 968 p. + 640 p. + 528 p. + 768 p. + 704 p. + 800 p. + 672 p. (in Russian).
2. (1985), "Argonautae", *A real dictionary of classical antiquities according to Lubker* [Real'nyi slovar' klassicheskikh drevnostei po Lyubkeru, pod red. chlenov Obshchestva klassicheskoi filologii i pedagogiki F. Gel'bke, L. Georgievskogo, F. Zelinskogo, V. Kazanskogo, M. Kutorgi i P. Nikitina], Izd. Obshchestva klassicheskoi filologii i pedagogiki, Saint-Petersburg, pp. 140-142. (in Russian).

3. Kazarin, V.P., Novikova, M.A. and Krishtof, Ye.G. (2021), “Poem by O.E. Mandelshtam “A stream of golden honey flowed from a bottle...”: (Results of experiments of a real commentary)”, *Life-giving light of the word* [“Stikhotvorenie O.E. Mandelshtama ‘Zolotistogo meda struya iz butylki tekla...’: (Itogi opytov real'nogo kommentariya)”, *Zhyvotvorne svitlo slova*], Vydavnychiy dim Dmytra Buraho, Kyiv, pp. 168–190. (in Russian).
4. Levin, Yu.I. (1998), *Selected writings: Poetics. Semiotics* [Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika], *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, 824 p. (in Russian).
5. *Mandelshtam Encyclopedia in 2 vols.* (2017), Nerler, P.M. and Lekmanov, O.A. (Chief Eds.), [Mandelshtamovskaya entsiklopediya, gl. red. P.M. Nerler i J.F. Lekmanov], ROOSPEN, Moscow, 575 p., il.+487 p., il. (in Russian).
6. Mandelshtam, O.E. (1991), *Collected works in 4 vols.*, Struve, G.P. and Filippov, B.A. (Comps.) [Sobranie sochinenii v 4 t., sost. G.P. Struve i B.A. Filippov], Terra, Moscow, 600 p.+730 p.+617 p. (in Russian).
7. Mandelshtam, O.E. (1993-1999), *Collected works in 4 vols.*, Nerler, P.M. and Nikitayev, A.T. (Comps.) [Sobranie sochinenii v 4 t., sost. P.M. Nerler i A.T. Nikitayev], Art-Biznes-Centr, Moscow, 360 p., il.+693 p., ил.+517 p., il.+608 p., il. (in Russian).
8. Mandelshtam, O.E. (2009-2011), *Complete Works and Letters in 3 vols.* [Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 3 t., sost., podgot. teksta i komment. A.G. Metsa; vstup. st. Vyach.Vs. Ivanova], Progress-Pleyada, Moscow, 808 p.+760 p.+944 p., il. (in Russian).
9. Mandelshtam, O.E. (2014), *Collected works in 2 vols.* [Sobranie sochinenii v 2 t., sost. S.V. Vasilenko, P.M. Nerler, Yu.L. Freidin], Gonzo, Ekaterinburg, 864 p., il.+1008 p., il. (in Russian).
10. Mets, A.G. (Comp.). (2019), *Chronicle of the life and work of O.E. Mandelshtam*, 3rd ed. [Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama, izd. 3], Internet-izdanie, Saint-Petersburg, 509 p., il. (in Russian).
11. Nerler, P.M. (2019), “Mandelshtam May Day” [“Mandel'shtamovskii Pervomai”], *Collegium*, No. 31-32, pp. 10-23. (in Russian).
12. Nerler, P.M. (2019), “Osip Mandelshtam and Georgia: New Materials” [“Osip Mandel'shtam i Gruzija: Novye materialy”], *Tekst i traditsiya*, No. 7, pp. 231-340. (in Russian).
13. Uspenskii, F.B. (2014), “Osip Mandelshtam: foreign languages in the element of Russian” [“Osip Mandelshtam: chuzhie yazyki v stikhii russkogo”], *Gefter*, available at: <http://gefter.ru/archive/13337> (in Russian).
14. Zaslavskii O. (2014), “A man in a terrible world (about the poem by O.E. Mandelshtam ‘Washed at night in the yard...’)” [“Chelovek v strashnom mire (o stikhotvorenii O.E. Mandelshtama ‘Umyvalsya noch'yu vo dvore...’)”], *Toronto Slavic Quarterly*, No. 49, pp. 121-133. (in Russian).

